

ЗНАКОВЫЕ СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

М. Ю. Рябова

SIGN STRUCTURES OF EVERYDAY LIFE

M. Y. Ryabova

В статье рассмотрены принципы функционирования знаковых структур, характерных для культуры повседневности. Отмечаются отличительные признаки повседневной культуры, такие как: массивность, телесность, наглядность и др. Основным проявлением знаковости повседневна является иконический принцип означивания в дискурсе.

The article deals with the functional principles of sign structures, typical of the culture of everyday life. The characteristic features of this culture are: massiveness, bodylines, visuality, etc. Iconism is the main feature of semiotics of quotidian in discourse.

Ключевые слова: повседневность, знаковость, креолизация, иконизм.

Keywords: everyday life, quotidian, semiotics, creolization, iconism.

Культура повседневности – это культура в многообразии всех жизненных проявлений, это то, во что погружен человек, как и где он живет и мыслит, как говорит и общается.

Культура повседневности включает организацию человеческих взаимоотношений, культуру общения и поведения, культуру ведения дискуссий, политическую культуру, культуру массовых коммуникаций, культуру ежедневного быта и др. Таким образом, исходным пунктом осмысления культуры повседневности является человек с соответствующим ему осознанием окружающего мира (в форме обыденного сознания). Обыденное сознание, направленное на понимание процессов языкового функционирования, общения, всех видов коммуникации, институционализировалось как лингвистика обыденного сознания, или лингвистика обыденного метаязыкового сознания, или как теория обыденной лингвистики. Объектом изучения теории обыденной лингвистики стали все факты «стихийного и экстенсивного развития» учения об обыденном метаязыковом сознании, включая такие аспекты, как: закономерности метаязыковой деятельности говорящего и слушающего, портрет метаязыковой личности (индивидуальной и коллективной), виды социального взаимодействия языковых личностей, языковая политика, вопросы так называемой «народной лингвистики».

Обыденное метаязыковое сознание как характеристика человека в его ежедневном бытовании лежит в центре категории повседневности, философской и культурологической, научный интерес к которой проявился в философии постмодерна в форме проблемы «Повседневна».

Термин «повседнев» (от фр. Quotidien и англ. quotidian, нем. Alltag, alltagsleben) появился в традиции социологических, гуманитарных наук как результат переориентации современных философских исследований на рассмотрение проблематики повседневной жизни, где, по мнению большинства исследователей, протекают наиболее важные процессы культурного бессознательного. Проблема изучения повседневности позволяет исследовать жизнь не в ее крайних проявлениях, а в том виде как она проявляется

в быту (в большей степени в бессознательном виде).

Традиция изучения повседневна достаточна глубока. Первоначально она развивалась как философия жизни (Аристотель). Затем эта проблема приобрела актуальность благодаря деятельности школы Анналов, отказавшейся изучать историю «великих» людей, предпочтя им историю «молчаливого большинства», достаточно грамотного, чтобы оставить после себя письменные следы [3].

Новый импульс теория повседневна получила в работе Мишеля де Серто «Изобретение повседневна», в которой описывалась практика повседневной жизни [11]. Затем была опубликована книга Э. Гоффмана «Мизансцена повседневной жизни» [12], за которой последовала публикация Пьера Бувье «Работа повседневна: попытки социо-антропологического подхода» [10]. Таким образом, оформилась философская традиция повседневна как категории описания культурного бессознательного, проявляющегося в широком диапазоне социо-культурных практик, включая политические институты жизни и собственно антропологические аспекты жизни современных народов.

Большой вклад в изучение культуры повседневна внес французский философ Пьер Бурдьё, который описал в своей книге «Различие» привычки и вкусовые предпочтения разных слоев французского общества, отметив престижность тех или иных игровых, языковых и прочих пристрастий, убедительно показав, что повседневность представляет собой ту область жизни, где коренятся язык и поведение людей, что повседневность определяет манеру мышления и языковых практик представителей социальных групп [9].

Сегодня интерес к изучению категории повседневности снова возрастает одновременно в русле философии, социо-антропологии, культурологии и лингвистики. По мнению Бернхарда Вальденфельса, интерес к теме повседневности может рассматриваться как симптом возникновения вакуума, генезис которого связан с обесценивающим давлением односторонней рационализации [2, с. 39 – 50].

С другой стороны, внимание современной науки к проблеме повседневности связано с такими вопроса-

ми, как семиотика вещей, восприятие картины мира обыденным сознанием, архетипы массового сознания как регуляторы поведения, этикет, престиж, мода, реклама, имидж, взаимодействие традиционных высоких и бытовых форм культуры. Современная культурная действительность основана на нескольких общих принципах: приобретаемости, тиражируемости, связи с техникой, создании и потреблении коллективом [5]. Данные принципы характеризуют культуру повседневности, которая предстает как некоторым образом «культура с маленькой буквы», культура человеческая и демократичная, что и обуславливает повышенный интерес науки к ее изучению в связи с необходимостью отличать традиционную культуру от альтернативной, культуру как духовность от некультуры и бездуховности.

Содержание понятия «повседневность» варьируется в зависимости от подходов, применяемых в исследованиях. Так, в работе И. Т. Касавина и С. П. Щавелева приведены следующие аспекты повседневности.

1. Повседневность как социологический феномен выступает в форме усредненного общественного мнения.

2. Как психологический феномен повседневность соответствует набору неизменных поведенческих реакций на окружение.

3. В социо-антропологическом ракурсе повседневность есть кумулятивный опыт группы, который транслируется в процессе изучения языка, ритуалов и др.

4. В когнитивно-социологическом аспекте повседневность выступает как использование результатов культурного творчества.

5. В методологическом плане повседневность «это статический образ мира, в котором искусственно приостановлены креативные, инновационные процессы и выделяются исключительно стабильные, не подверженные сомнению основания жизнедеятельности человека (традиции, ритуалы, категориальные системы)».

6. С трансцендентальной точки зрения повседневность – есть «оповседневливание», секуляризация архетипа или исторических априорных структур.

7. Экзистенциальное измерение повседневности представляет собой способность транслировать некое внешнее состояние мира в состояние «мир в себе» [4].

Повседневность в форме усредненного общественного мнения проявляется, в частности, и в том, что способность усвоить некие культурные коды способствует повышению социального статуса личности. Власть, как правило, захватывают те, кто наиболее полно освоил систему общепотребительных знаков в данном сообществе. Это могут быть люди умные, талантливые, но чаще – это те, кто усвоил алфавит знаковых кодов [6].

Неизменность поведенческих реакций на окружение проявляется в существовании в разных культурах кодексов поведения, что в языковом плане выражается в наборе речевых формул социального этикета, регулирующего выбор говорящего в том или ином случае, в той или иной коммуникативной ситуации.

В процессе изучения языков повседневность заключается в необходимости запоминания и регуля-

ного повторения, тренинга определенных грамматических моделей, паттернов, языковых клише и устойчивых выражений, будь то пословицы и поговорки или так называемые «крылатые выражения», цитаты известных людей, авторитетных личностей, писателей и др.

Таким образом, культура повседневности всегда связана с использованием результатов предшествующего опыта, с освоением творческого, интеллектуального, материального, научного и иного наследия человечества. В лингвокультурологическом аспекте данная зависимость обнаруживает себя в характерной для современной культуры повседневности тенденции к интердискурсивности коммуникативного пространства, что особенно очевидно в дискурсах медийной и сетевой коммуникации. Именно сетевые и медийные средства массовой коммуникации в максимальной степени избивают языковыми клише, характеризуются аллюзивностью своего дискурса, выражающегося в бесконечных намеках, отсылках к известным контекстам, словам, выражениям, песням, кинофильмам, романам и др.

Итак, к основным отличительным признакам дискурса повседневности можно отнести: повторяемость, цикличность, ритмичность событийного наполнения обыденного существования, устойчивость форм культуры; усредненность форм; массовидность распространения обыденных феноменов; отнесенность к частной жизни.

Таким образом, средоточием указанных сторон повседневности оказывается обыденное сознание, отражающее жизненные проявления обывателя (в нейтральном смысле слова), обитателя определенного социо-культурного пространства, участника бытия. Обыденность связана с отдельной личностью и ее непосредственным окружением. В лингвистике это проявляется в актуальности исследований некодифицированного, естественного языка и исследовании сферы метаязыкового сознания, изучаемого в русле лингвоперсонологии. Лингвоперсонология характеризуется тем, что ее исследования сосредотачиваются на изучении языковой способности отдельных языковых личностей.

В когнитивном измерении категория повседневности может рассматриваться как один из способов освоения мира или один из способов человеческой активности, как структура познания, базисные компоненты которой концентрируются вокруг вопроса «как?», а не «что?». Повседневность как структура познания позволяет соотносить все наши восприятия и переживания и таким образом представляет собой совокупность процедур конфигурации и реконфигурации, как машина по производству значений, по созданию и преобразованию всевозможных объектов [7]. Данный способ преобразования значений и объектов К. Леви-Стросс назвал кодом, что позволяет говорить о повседневности в семиотическом измерении.

Одной из конституирующих черт дискурса повседневности является наглядность, т. е. предполагается, что все объекты окружающего мира должны восприниматься как нечто телесное, как образы, а не понятия. Таким образом, можно говорить о знаковом характере повседневности. Человеческий опыт есть по-

ле знаковых систем со специфическими принципами конфигурации, а наглядность есть принцип кодирования содержания повседневности. Наглядность в коде представляет собой иконический принцип означивания, который проявляется в эффекте телесности, вещности, образности, использовании графиков, схем, рисунков и др. Эффект телесности, воплощенный в наглядных образах, в максимальной степени проявляется в современных дискурсах средств массовой коммуникации: на страницах газет, журналов, электронных средств коммуникации, современной прозы в виде эксплуатации образов мужской и женской сексуальности. В практике речевых жанров и коммуникативных форм наглядность как свойство дискурса повседневности выражается в креолизации текста.

Креолизованный текст представляет собой «сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [8, с. 300 – 304]. Целостность креолизованного текста обусловлена коммуникативно-когнитивной установкой адресанта, единой темой. Связность проявляется в тесном взаимодействии вербального и иконического компонентов на разных уровнях: содержательном, языковом, коммуникационном. На содержательном уровне связность проявляется в соотносительности семантических связей знаков обоих кодов (вербальных и иконических, которые обозначают одно и то же). Между компонентами креолизованного текста могут существовать композиционно-семантические отношения, т. е. изображение коррелирует со словом, предложением, текстом и др. Восприятие креолизованного текста основано на построении единого целостного концепта, в создании которого участвуют как концепт вербального текста, так и концепт изображения, плюс знания и представления, образующие индивидуальное когнитивное пространство адресанта.

Иллюстрация представляет собой наиболее важный элемент сообщения, его визуальный и композиционный центр, т. к. приковывает внимание реципиента мгновенно и напрямую, образуя доминанту поля лингвистических средств воздействия.

Иконические средства креолизованного текста воспроизводят картину мира, шкалу ценностей, эстетические и этические идеалы нации, составляющие концептосферу культуры повседневности. Е. Е. Анисимова выделила основные функции иконических элементов в структуре креолизованного текста: аттрактивная, информативная, экспрессивная, эстетическая функции. В качестве дополнительных функций выделяются: символическая (выражение абстрактных идей и понятий), иллюстративная (воспроизведение информации в виде наглядных образов), аргументирующая (подтверждение вербальной информации) [1].

Иконическая наглядность позволяет придать информации большую убедительность, напрямую воздействовать на сознание обывателя; изображение может выразить мысль иносказательно, более завуалировано, позволяя интерпретировать эту мысль более свободно.

По характеру взаимоотношения между вербальной и невербальной частями информации, содержащейся в креолизованном тексте, можно выделить следующие типы текстов:

а) репетиционные тексты, в которых изображение повторяет вербальный текст;

б) аддитивные тексты, где изображение привносит дополнительную информацию;

в) выделительные тексты, в которых изображение подчеркивает какой-то аспект вербальной информации, по своему объему значительно превосходящую иконическую;

г) оппозитивные тексты – содержание картинки противоречит вербальной информации, что производит комический эффект;

д) интегративные тексты – изображение встроено в вербальный текст;

е) изобразительно-центрические тексты – с ведущей ролью изображения, вербальная часть лишь поясняет и конкретизирует их [8].

“Hang on, I think they’re just aiming for our hats.”

Например, на рисунке представлен креолизованный текст, вербальный компонент которого содержит следующее высказывание: «Hang on, I think they’re just aiming for our hats» (Держись, кажется, им нужны только шляпы). Иконический компонент поддерживает смысл вербального сообщения, развивая и усиливая его в сторону расширения значения «aiming for» (целятся в шляпы и, как следствие, в головы). Общий смысл данного креолизованного текста можно определить как продуцирующий комический эффект. А сам текст охарактеризовать как репетиционный креолизованный текст.

Итак, изображение и слово в поликодовом сообщении креолизованного текста не являются суммой семиотических знаков, их значения интегрируются и образуют сложный смысл. Дискурсы разных текстов смешиваются и адресат воспринимает сразу двойную информацию: очевидный смысл прямо выраженного и скрытого дискурса, направленного на достижение истинных целей адресанта. Это и достигается с помощью креолизованного текста. Таким образом, креолизованный текст предстает сложным текстовым образованием, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата коммуникации [8, с. 300 – 304].

Очевидно, процесс смыслообразования, происходящий в нашей повседневной жизни, можно представить в виде определенной самоорганизующейся системы дискурсивных структур, обусловленных соци-

альными символическими системами коммуникации, в которых большую роль играет иконический принцип организации структуры знака.

Литература

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003. – 128 с.
2. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс. – М., 1991. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/d/daily/html/7/12/2011>
3. Ильин, И. П. Постмодернизм. Словарь терминов / И. П. Ильин. – М.: ИНИОН РАН: INTRADA, 2001. – 382 с.
4. Касавин, И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – М.: Канон+, 2004. – 432 с.
5. Кнабе, Г. Диалектика повседневности / Г. Кнабе. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_buks/culture/article/knabe_dialpovs.php
6. Махлина, С. Т. Семиотика культуры повседневности / С. Т. Махлина. – СПб.: Алетейя, 2009. – 232 с.
7. Сыров, В. Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) / В. Н. Сыров // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. 2. Спец. выпуск. – Режим доступа: http://siterium.trecom.tomsk.su/syrov/-Syrov_12.htm
8. Тельминов, Г. Н. Интернет-реклама как вид креолизованного текста / Г. Н. Тельминов // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 5.
9. Bourdieu, P. La distinction: Critique sociale du jugement de gout / P. Bourdieu. – Paris: Les Editions de Minuit, 1979. – 672 p.
10. Bouvier, P. Le travail au quotidien, demarche socio-antropologique / P. Bouvier. – Paris: PUF, 1989. – 190 p.
11. De Certeau, M. The Practice of everyday life / M. De Certeau. – Berkeley: Univ. of California Press, 1984. – 204 p.
12. Goffman, E. La mise en scene de vie quotidien / E. Goffman. – Paris: Les Editions de Minui, 1973. – 256 p.

Информация об авторе:

Рябова Марина Юрьевна – доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии № 1 Кемеровского государственного университета, mriabova@inbox.ru.

Ryabova Marina Yurievna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English philology № 1 of KemSU.